

ОДЕССКИЙ КАРУЗО

(Начало на 3-й стр.)

Между тем в кафе собрались много народа, сбегались служители и гости, у окон толпились тесные кучки. А Бойченко все пел и пел. Наконец он умолк и устало присел на краешек стула. Он тяжело дышал и тревожно поглядывал на Карузо: что тот скажет?

— У него великолепный голос, — негромко сказал Карузо моряку, — он может стать настоящим певцом, клянусь богом! С таким тенором и темпераментом нетрудно добиться успеха... Кто он, этот молодой человек? Откуда?

— Не надо переводить, господин капитан, я все понял, — сказал Паша. — Передайте синьору Карузо, что я простой дружок с утолной гавани и нигде не учился. Моя консерватория на галерке нашей оперы и на балконе Биржи... А мои слушатели — это всего только портовые рабочие и биндюжники с Молдаванки и Слободки. Что — мало?

Морьяк усмехнулся и точно перевел Карузо слова молодого одессита. Карузо и Ронелли добродушно хохотали, забыв о завтраке, который давно был подан.

— Блестяще! — восклицал Карузо. — Превосходно! Я тоже самоучка! Мне хочется помочь этому юноше, и я помогу ему, клянусь небом Италии! Пусть приедет осенью в Неаполь или Флоренцию, пусть разыщет меня, и я сделаю его настоящим певцом...

Морьяк перевел слова Карузо и от себя добавил: «Не будь дураком и воспользуйся приглашением, это же редкий случай!». Глаза Паши засняли надеждой, а смуглые щеки стали пунцовыми. Он закивал головой, спасибо, дескать, приеду непременно! А счастливая мамаша всплеснула руками, готовая броситься на колени перед знаменитым певцом.

— Дорогой господин Карузо, — говорила она со слезой в голосе, — милый и чудный Карузо! Я готова расцеловать вас! Приходите к нам в гости, мы будем счастливы! Вы легко найдете нас: Костецкая улица, дом двенадцать возле Госпитальной...

Карузо и Ронелли хохотали во весь голос и приговаривали: «Грация! Грация!» — то есть спасибо.

Осенью того же года Павел Бойченко, нанявшись кочегаром на грузовой пароход «Хаджибей», прибыл в Неаполь. В порту он распрощался с матросами.

— Остаюсь, — сказал он. — Вернусь в Одессу знаменитым или подохну где-нибудь на чужбине... Прощайте, ребята!

Энрико Карузо не оказалось в Неаполе, и Павел отправился во Флоренцию, а оттуда в Милан. В Риме он узнал, что «кавалер Карузо» пел в августе в местной опере, затем уехал не то в Америку, не то в Австралию. Продолжать погону за Карузо не хватило у Павла денег, и он нанялся носильщиком на вокзал. Потом стал ночным сторожем в цирке. Недолго служил он помощником повара в ресторане, после чего уехал в Англию, где пел в ночных притонах и тавернах, надеясь где-нибудь встретить Энрико Карузо и напомнить о его обещании.

В девятьсот третьем году Павел Бойченко, ставший к тому времени Паулем Бончи, попал с труппой бродячих певцов в Америку и пел там на улицах, рынках, во дворах и ночных барах. В Чикаго, в шумном кафе на бульваре Мичиган, к нему подошел respectable gentleman в темных очках и цилиндре и вполголоса произнес:

— Я узнал вас по голосу. Вы пели мне в Одессе. Помните? Я — Энрико Карузо...

Ошеломленный Бойченко смертельно побледнел, обнял Карузо и расплакался. Он не мог произнести ни слова, он вглядывался в широкое, румяное лицо мужчины в цилиндре и что-то бормотал...

— Отойдите-ка в сторону, — сказал Карузо, — на нас смотрят. Что это с Вами? Живо успокойтесь!

До рассвета беседовали Карузо и Бойченко. Энрико поклялся вытянуть Павла на оперную сцену и определить на учение к синьору Виттало, а пока договорились так: Паша пойдет служить в оперетту на вторые и третьи роли, — это легко устроит Карузо, — а через год, когда в Чикаго вновь приедет Карузо дос-

ле турне по Европе, Пауль Бончи будет принят в один из оперных театров Америки. Прекрасная, лучезарная перспектива! Выходит, не зря он, парень с Молдаванки, целых три года искал по свету великого Энрико...

С помощью Карузо Паша был принят в оперетту и через год стал премьером театра. Он пел и учился, учился и пел. Он жил надеждой на предстоящую встречу с милым и добрым Карузо. Но тот упорно не приезжал в Чикаго.

И только осенью 1906 года, когда над шумным и тесным городом нависли тяжелые тучи, а с озера Мичиган дули резкие порывистые ветры, в Чикаго, наконец, приехал Карузо. Но Павла Бойченко он уже не застал. Ему сообщили, что певец Бончи заболел тяжелым недугом — чахоткой горла — и отправлен в Сан-Франциско, в больницу д-ра Рикардо. Карузо в тот же вечер выехал в Сан-Франциско. Он застал еще живым одессита Бойченко, но тот не узнал Карузо. Больной метался в агонии и шептал по-русски:

— Нет, я не умру, черта с два! Я встану на ноги и снова буду петь... Я приеду в Одессу и буду петь в зале Биржи... Меня придут слушать девчата с Пересыпи и парни с Молдаванки... Я посвящу свой первый концерт — знаете кому? Энрико Карузо! Он заслужил этой чести, клянусь, чем хотите...

А ночью Павел Бойченко умер. Его хоронили на русском кладбище. Похороны привлекли почти всю украинскую колонию Сан-Франциско. Какой-то господин в черном плаще и низко надвинутой шляпе попросил разрешения сказать несколько прощальных слов. Ему разрешили, и он поднялся на бугорок. Но вместо речи он запел. Пел он волшебным голосом и все плакали. Это был Карузо. Он пел «Вернись в Сорренто», и глаза его были в слезах, как и его голос.

Это был не человек — это было зрелище! В его голосе звучала скорьбь и рокот протеста, он простирал руки и небу, словно укоряя природу и бога, отнявших жизнь у этого веселого парня из Одессы...